

ПОЗИТИВИЗМ И ГЕРМЕНЕВТИКА КАК ВЗАИМОДОПОЛНЯЮЩИЕ ТИПЫ РЕФЛЕКСИИ НАД СТРУКТУРОЙ И ДИНАМИКОЙ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Дрюк М. А., аспирант

В статье в рамках модельно-резонансного подхода дается нетрадиционная интерпретация позитивизма и герменевтики как самостоятельных, но не самодостаточных направлений философской рефлексии над структурой и динамикой философского знания. При этом каждое из указанных направлений ограничивается своим предметом исследования в организации этого знания – всеобщим (позитивизм) или особенным (философская герменевтика).

В предыдущих работах [1-3] нами была предпринята попытка актуализировать метод моделирования, как процесс смыслопостижения, образо- и символотворчества, составляющий основу естественнонаучного и философского мышления. В качестве аналоговой модели для развития этого метода, как варианта современной концепции многомерного подхода к решению философских проблем, использована химическая теория резонанса [4]. Представления о его универсальности делают возможным привлечение уже известных положений о строении и функционировании научной теории для выявления и развертывания принципов организации философского знания.

Еще В.А. Штофф утверждал (1966 г.), что понятие модели является философской категорией [5, с. 115], однако отечественные специалисты в области философии и методологии науки (в том числе и сам Штофф) рассматривают модель исключительно как специфическое средство научного познания. Придерживаясь в данном вопросе установки методологического “автономизма”, они ограничиваются изучением гносеологических аспектов моделирования, главным образом, на материале теоретического и экспериментального естествознания, кибернетики [5], [6], в меньшей мере привлекая для этих целей социальные [7, с. 163-187], [8] и гуманитарные науки [5].

Такое положение дел лишь частично может быть объяснено особым интересом к естествознанию и математике как ведущим сферам познания, идеалы и нормы научности которых претендовали на роль общенаучной “суперпарадигмы”. Основная же причина во многом парадоксальной ситуации, сложившейся в отечественной философии и методологии науки, по нашему мнению, заключается в том, как решается проблема природы гуманитарного и, в особенности, философского познания, а вместе с ней и вопрос об универсальности или специфичности идеалов и норм научности. Как известно, предельно полярные варианты ответов на последний представлены в традициях позитивизма и философской герменевтики [9].

Избегая позитивистского решения проблемы, многие отечественные философы как в прошлом, так и в настоящем вслед за В. Дильтеем, Г. Риккертом, Зандкмюлером и другими зарубежными герменевтами склонны абсолютизировать роль особенного в философском и гуманитарном познании, их

специфику по отношению к естественным и точным наукам, игнорируя при этом факт единства законов постигающего мышления. Однако только ли особенное должны видеть мы в принципах организации гуманитарного и философского знания? Ведь философская рефлексия всегда связана с постижением предмета в его тотальности, выявлением соотношения всеобщего, единичного и особенного в конституирующих основаниях исследуемой реальности.

Кроме того, проблема структуры и динамики философского и гуманитарного знания требует иных подходов в сложившейся к концу XX века принципиально новой онтологической и гносеологической ситуации, которая характеризуется, с одной стороны, выбором жизненных стратегий человечества, поиском нетрадиционных путей цивилизационного развития, а с другой – сменой “больших парадигм” научного и философского мышления, формированием новых мировоззренческих смыслов универсалий культуры в целом [10, с. 5-25], [11].

И если современная интеллектуальная революция предполагает разработку особых познавательных стратегий, направленных на создание новой “онтологии ума” – мышления, стремящегося размыть традиционные понятийные оппозиции (субъект – объект, целое – часть, общее – отдельное, внутреннее – внешнее..., Запад – Восток, наука – искусство) [12], то в ряд последних вполне вписываются и альтернативы, имеющие прямое отношение к решению рассматриваемой здесь проблемы, а именно: наука – философия, естествознание – цикл социогуманитарных дисциплин, позитивизм – философская герменевтика. С точки зрения основополагающих принципов новой методологии философское и гуманитарное знание как объект философской рефлексии многомерно и может быть раскрыто только в единстве альтернативных его описаний в духе позитивизма и философской герменевтики, так как последние используют лишь различные концептуальные средства – категории всеобщего и особенного, – которые выступают не как взаимоисключающие противоположности, а как разные, часто предельные, но дополняющие друг друга измерения исследуемой реальности. Ни позитивизм, ни философская герменевтика в отдельности не могут, таким образом, претендовать на полноту отражения всех сущностных характеристик изучаемого многомерного объекта, единственно правильное, целостное представление о нем. Эти подходы, долгое время существовавшие как альтернативные, находящиеся в отношениях конфронтации, в таком дискурсе обретают статус самостоятельных, хотя и не самодостаточных направлений философской рефлексии над структурой и динамикой философского знания. Причем, каждое из указанных направлений ограничивается своим предметом исследования его организации – всеобщим (позитивизм) или особенным (философская герменевтика). В этой связи, как нам представляется, корректно говорить лишь о позитивистской и герменевтической моделях философского и гуманитарного знания, каждая из которых создается на базе собственного рабочего аналога (аналоговой модели) – научного языка или языка естественного соответственно – и вносит равновеликий вклад в общий процесс построения единой, целостной его концепции.

Относительно структуры гуманитарного познания в отечественной методологии недавно был сформулирован тезис [9] о том, что его специфика образуется за счет комбинации методов (которые универсальны!) с особым понятийным аппаратом и, главное, особой базисной познавательной ориентацией. Согласно вводимым нами представлениям этот тезис нуждается в более обстоятельной аргументации и развертывании в рамках творческого диалога и взаимного сближения позитивизма и философской герменевтики (в новом, изложенном выше смысле этих понятий). Однако и в такой интерпретации [9] он дает не вполне традиционное объяснение до сих пор сохраняющейся дискуссионности вопроса о применимости в гуманитарной сфере теории “охватывающего закона” Гемпеля-Поппера - Оппенгейма. Она теперь связывается не столько с сомнениями в существовании такого закона (или законов), сколько с расхождениями в том, что может выступать в качестве его (“охватывающего закона”) субстрата или аналога [9].

Признание универсальности тех или иных методов и законов естествознания и гуманитарных сфер свидетельствует о намечающейся в современной методологической культуре тенденции преодоления “крайностей” методологического индивидуализма, которая обнаруживает себя в разных формах. С одной стороны, происходит движение методологических понятий, закономерностей и принципов из естествознания в социогуманитарные сферы, а с другой – генерализация методологических идей, считавшихся ранее исключительно гуманитарной прерогативой.

Если еще вчера весьма проблематично звучал вопрос о выделении теоретических конструктов-аналогов в различных областях естествознания (например, в физике и биологии [13, с. 47]), то сегодня в ряде работ осуществляются попытки построения структурной модели исторической теории по аналогии с естественнонаучной (см. концепцию исторического объяснения А. С. Уйбо [14]), обосновывается необходимость изучения роли гипотезы в социологических и гуманитарных науках [15]. Более того, целесообразными, на наш взгляд, представляются выделение в философии (философской антропологии) теоретических конструктов, подобных конструктам естественных и точных наук, а также экспликация модельного характера философского мышления в целом [1-3, 16].

Другим примером преодоления методологического индивидуализма может служить трансформация представлений о герменевтических моделях. Герменевтическое “понимание”, традиционно толкуемое в дильтеевском духе как метод исключительно гуманитарных наук, приобретает статус универсальной гносеологической категории (Г. Г. Гадамер, Т. Кизель, П. Хилэн, Т. Е. Васильева и другие) [9]. В рамках этого алгоритма философской рефлексии любое познание, в том числе и естественнонаучное, рассматривается как чтение текста или текстоподобного материала, неизбежно связанное с пониманием. Таким образом, современная герменевтика наряду с исторически сложившимся своим гуманитарным обоснованием получает обоснование естественнонаучное. Это значит, что вполне резонно говорить о возникновении естественнонаучной герменевтики как феномена эпохи триумфа

естествознания, аналогично тому, как возникали психологическая и лингвистическая (А. Августин, Ф. Шлейермахер, М. Бахтин), историческая, социальная (В. Дильтей, Г. Г. Шпет) и философская герменевтики. В таком контексте естествознание становится сферой пересечения интересов современной философской герменевтики и методологии науки, творческое взаимодействие между которыми оказывается неизбежным в процессе поиска общих методологических оснований дисциплин философско-гуманитарного и естественнонаучного циклов.

При этом теоретический интерес представляет соизмерение таким образом полученной герменевтической и позитивистской моделей всеобщего в структуре и динамике социогуманитарной и естественнонаучной сфер знания, выявление возможности их идентификации.

В качестве основы такой идентификации, с нашей точки зрения, целесообразно рассматривать моделирование, репрезентирующее как понятийно-логическую, так и смысло-образную систему мышления в естествознании и философии. Ведь еще Платон, согласно А. Ф. Loseву, называл идею смысловой моделью вещи [17, с. 158].

Являясь универсальным методом объяснения и понимания (постижения смысла) естественнонаучной и философской (социогуманитарной) реальности, моделирование вполне может претендовать на положение метода современной философской герменевтики, получившей, наконец, среди прочих других свое естественнонаучное обоснование.

Для нас герменевтическое моделирование представляет интерес, прежде всего, как своеобразный принцип “лучшего понимания”, метод, истолковывающий смысл философских понятий и представлений, разработанных мыслителями прошлого, а также их роль в общем процессе постижения философской реальности. Кроме того, герменевтическое моделирование выступает в качестве метода структурирования современного философского знания, построения единой философской дисциплинарной онтологии, в том числе в сфере философской антропологии.

Модельно-резонансный подход позволяет находить решения вопросов, оказавшихся в эпицентре современной методологической дискуссии, в частности: как соотносятся между собой классические и неклассические представления и методы в современной философии, какое место занимает в общей “картине” человека, как особой философской реальности, различные типы рефлексии в ключе парадигм: “cogito”, “existenz” и др. [1-3, 16]. Есть надежда, что в новой онтологической и гносеологической ситуации использование понятия модель для осмысления структуры и динамики философского знания, а также другие проводимые здесь аналогии и параллели между естествознанием и философией не встретят того неприятия, которое проявилось в 60-70-х годах в отечественной методологии науки в отношении идей М. Хесс и Г. Денцера, оперирующих понятием модели в контексте теологии [5].

Согласно развиваемому нами модельно-резонансному подходу все научные и философские понятия и концепции оцениваются как смысловые конструкции, мысленные модели, аппроксимации, лишь в большей или меньшей степени отражающие сущность объектов и проявляющие, таким образом, относительный, интервальный характер. Именно отсутствие пределов, границ применимости является слабым местом многих философских систем классического и постклассического периодов. Так, если говорить о философской парадигме “*cogito*”, то следует констатировать, что Кант не пошел дальше критики “чистого” разума, хотя и поставил в неявном виде вопрос об ограниченности познавательных возможностей старой метафизики, воспринимаемой им как предел развития человеческого разума.

Шеллинг, решая задачу построения “чистой науки о разуме”, в своей “позитивной философии” вообще выходит за пределы эпистемологического метода (значимость которого он, однако, не отрицает [18, с. 96, 109]) в “философию откровения”.

Следовало бы ожидать, что “границы” человеческого разума, критикуемого Кантом, послужат основой для введения ограничений в модели, разрабатываемые Гегелем, поскольку именно человеческий разум (мышление) был использован последним в качестве стартовой аналоговой модели для создания концепции бытия, но этого не случилось [3].

Своеобразную попытку “демаркации границ” в модельном мышлении предпринял Н. Гартман. Система взглядов которого демонстрирует гегелевское рационалистическое понимание философии и ее истории, ограниченное кантовской критикой метафизики [19, с. 411-462]. Однако ученик Марбургской школы видит в склонности человеческого разума придавать частным открытиям всеобщий характер только его слабость и полностью исключает возможность ее использования в процессе познания в связи с автономией выделяемых им “слоев бытия” (неорганического, органического, психического и духовного), каждый из которых, по его мнению, развивается согласно собственным законам [19, с. 427]. Предлагая рассматривать теорию познания через теорию бытия, он, по сути дела, выходит в сферу совершенно иной парадигмы философского исследования, предполагающей использование теории бытия в качестве аналоговой модели для построения теории познания. Такой подход, как видно, относится к гегелевской парадигме как к своему логическому антиподу – в тождестве “бытие \equiv мышление” аналоговые модели меняются местами.

Что касается гартмановской идеи реконструкции “системы систем” своего учителя путем элиминации важнейшего конституирующего абстрактного объекта – “Божественного (идеального) Разума” – как неконструктивного элемента, то она столь же несостоятельна как и попытки упразднить аналогичные понятия в физике и химии (идеальный газ, абсолютно твердое тело, идеальная наклонная плоскость, резонансная структура молекулы и т.д.) на том основании, что они не отражают реальные состояния физических или химических объектов.

Подобного типа идеализации (например, "чистый разум", "чистая экзистенция", самодостаточная личность, самодовлеющая человеческая реальность, чистый эрос и др.) являются базисными структурными элементами для построения непостижимого до конца цельного философского знания, представляющего собой открытую систему "резонирующих" теоретических моделей [3, 16], в основе которых лежат различные онтологические постулаты исследуемой реальности. При этом каждая из них работает в своем, строго заданном "смыслообразующем интервале абстракции"¹.

В этой связи весьма актуально звучат слова, сказанные известным российским философом В. Л. Соловьевым о том, что "принимая одну сторону "всеединой истины", – не исключаящей из себя ничего, кроме отвлеченного утверждения отдельных частных начал и эгоистического утверждения единичной воли, – за целое и представляя её (сторону истины) как самодовлеющую, безусловную и полную истину, мы обращаем её в ложь и приходим к внутренним противоречиям" [21, с. 348-349].

Литература.

1. Дрюк М.А. Моделирование как основа естественнонаучного и философского мышления // X-я Ежегодная конференция кафедры философии по проблематике и структуре курса для молодых ученых. Москва, 3-4 февраля 1997 г.: Тез. докл./ РАН. М., 1997.- С.137-139.

2. Дрюк М.А. Резонанс предельных структур как аналоговая модель многомерного подхода в философской антропологии // XI-я Ежегодная конференция кафедры философии по проблемам философской антропологии. Москва, 12-13 февраля 1998 г.: Тез. докл./ РАН. М., 1998.- С.40-43.

3. Станис Л.Я., Дрюк М.А. Резонанс предельных структур как аналоговая модель многомерного подхода в философской антропологии // Вестник Университета Дружбы Народов. Философия.-1998.- №1.-С.26-37.-ISBN 5-87245-025-7.

4. Печенкин А.А. Антирезонансная кампания в квантовой химии (1950-1951 гг.) // Философские исследования.-1993.- №4.-С.372-381.-ISSN 0869-611X.

5. Штофф В.А. Моделирование и философия.-Москва-Ленинград: Наука, 1966.-299с.

6. Глинский Б.А. Моделирование сложных систем/ Министерство высшего и среднего специального образования СССР. Московский ордена Трудового Красного Знамени горный институт.- Москва, 1978.-83с.

7. Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы: Социология в СССР.-Москва: Наука, 1965.-250с.

8. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии.-Москва: Прогресс, 1969.-105с.

9. Кезин А.В. Стандарты научности в гуманитарном познании // Вестник Московского университета. Философия.-1992.-№2.-С.18-35.

¹ Понятие вводится Кураевым В. И. и Лазаревым Ф. В. [20]

10. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Современная научная картина мира, русский космизм и диалог культур “Восток - Запад” // Философия русского космизма.-Москва: Фонд "Новое тысячелетие", 1996.-376с.
11. Алтухов В.Л. Смена парадигм и формирование новой методологии // Общественные науки и современность. -1993.- №1.-С.88-100.
12. Алтухов В.Л. Новое мышление - мышление о многомерном мире // Дружба народов.-1994.- №2.-С.145-158.
13. Степин В.С. Р.С. Карпинская как методолог науки // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра. Памяти Регины Семеновны Карпинской/ РАН. Институт философии: Под ред. И.К.Лисеева.- М.,1996.-300с.
14. Уйбо А.С. Теория и историческое познание. - Таллинн: Наука, 1989.-179с.
15. Иоселиани А.Д. Модели объяснения в социальных науках. Объяснение и гипотеза // Философские исследования.-1994.-№2.-С.138-147.-ISSN 0869-611X.
16. Дрюк М.А. Модели мышления в естествознании и философии. Новый взгляд на старые истины// Философские исследования.-1998.-№1.-С.16-27.- ISSN 0869-611X.
17. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты.-Сократ.-Платон.-Москва: Наука, 1969.-300с.
18. Schelling F.W.J. Philosophie der Offenbarung: M.Frank.-Frankfurt a. M., 1977.-452s.
19. Перцев А.В., Лаптев А.А. Н.Гартман: немецкий рационализм после Канта и Гегеля: Западная философия – итоги тысячелетия.-Екатеринбург: "Деловая книга", Бишкек: "Одиссей",1997.-656с.
20. Кураев В.И., Лазарев Ф.В. Основания научного знания: рефлексия и рациональность // Вопросы философии.-1986.-№5.-С.49-61.
21. Трубецкой С.Н. Сочинения. - Москва, 1907. - 500 с.